

И се, аз с вами есмь во вся дни до скончания века (Мф. 28:20)

ВОСКРЕСЕНИЕ

№ 5 (214)

Духовно-просветительская газета

Май 2017

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
— Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны.

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь Божий мир здесь вижу я.
И славит Бога песнь моя!

Василий Жуковский

Дорогие читатели! Подписываясь на газету «Воскресение»,
вы вносите посильный вклад в дело духовного просвещения!

**Не забудьте, пожалуйста,
оформить подписку на 2017 год**

Наш индекс 63337

В НОМЕРЕ:

Веруешь ли ты в Сына Божия?

В евангельской истории об исцелении слепого перед человеком ставится ключевой вопрос — вопрос личной веры.

с. 3

Праздник! Сквозь слезы и споры...

Это не укладывается в голове, но сегодня приходится отстаивать право чтить праздник Победы.

с. 4

Девочка с Лодочной улицы

Еще одна история из серии «Дети войны». Ее героиня в четырех-летнем возрасте оказалась в оккупированном Минске.

с. 5

Иконография Вознесения

Икона этого праздника являет нам величие Бога Сына, восходящего в Царство Небесное.

с. 9

Нужны ли малышам мотиваторы?

Ребенок рождается с жадой исследования окружающего мира. Почему потом зачастую интерес к познанию пропадает?

с. 11

Мать Мария

Страшные испытания XX века явили миру удивительных подвижников. Среди них — монахиня Мария (Скобцова), смело шагнувшая в газовую камеру.

с. 12

Наши святыни

11 мая, в день памяти святителя Кирилла, епископа Туровского, состоялись торжества, посвященные 25-летию возрождения Туровской епархии. Их возглавил митрополит Минский и Заславский Павел, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Божественная литургия была совершена в павильоне над фундаментом древнего кафедрального собора, который был разрушен землетрясением в XIII веке.

Патриаршему Экзарху сослужили: архиепископ Брестский и Кобринский Иоанн и епископы: Могилевский и Мстиславский Софроний, Гомельский и Жлобинский Стефан, Туровский и Мозырский Леонид и Слуцкий и Солигорский Антоний, а также клирики Туровской епархии. На богослужении присутствовали представители об-

ластной и местной исполнительной власти.

Туровская епархия основана еще в 1005 г. и является второй по древности в Беларуси после Полоцкой. Два туровских епископа — Кирилл и Лаврентий — прославлены для общецерковного почитания. Особенно известен свт. Кирилл Туровский, писатель и проповедник XII столетия. У подножия памятника святителю и продолжились торжества.

Сад памяти

8 мая в память 700-летия епархии на прилегающей территории храма Успения Пресвятой Богородицы в с. Волковичи Новогрудского района был посажен фруктовый сад — 35 плодовых деревьев. В посадке приняли участие председатель сельского совета П.Н. Коледюк, прихожане и воспитанники воскресной школы вместе с настоятелем храма иереем Андреем Абрамовичем.

Этот день — дата рождения замученного в 1939 г. протоиерея Николая Недведского. После Божественной Литургии на могиле отца Николая

была совершена заупокойная лития. На молитвенную память отец Андрей подарил каждому присутствующему книги «Основы православной веры» и иконки Христа Спасителя.

В епархии в эти дни проводится целый ряд юбилейных мероприятий. Новогрудская епархия была основана в 1317 г., когда Новогрудок был столицей Великого княжества Литовского. А 25 лет назад, в 1992 г., она была восстановлена решением Синода Русской Православной Церкви. Основные торжества пройдут осенью.

Аксиос!

В 29-ый раз в Польше были вручены высокие награды имени князя Константина Острожского. Традиционно награды присуждает редколлегия журнала «Православное обозрение» и попечительский совет фонда князя Константина Острожского за выдающиеся заслуги и вклад в развитие мысли, культуры и духовности православных верующих, а также за деятельность, направленную на единение христиан. Две награды из четырех в этом году отправятся в Беларусь.

За особый вклад в развитие современной церковной музыки как регент и композитор награждена монахиня Иулиания (Денисова), регент Праздничного хора Свято-Елисаветинского монастыря — автор более ста пятидесяти церковных произведений, обработок традиционных песнопений и гармонизации, которые звучат по всему миру в храмах и на фестивалях православных песнопений.

Среди лауреатов — еще одна женщина — польский профессор-славист Мажанна Кучиньска. Ее исследования служат делу популяризации православной славянской культуры в Польше. Белорусский меценат Константин Шавель признан лауреатом за вклад в возрождение духовной жизни в Беларуси и за ее пределами.

В нынешнем году исполняется 70 лет так называемой Акции «Висла», когда 150 тысяч преимущественно православных жителей Южного Подлясья, Холмщины и Прикарпатья в принудительном порядке были выселены на земли, перешедшие к Польше от Германии после Второй Мировой войны. Награду князя Константина Острожского вручили представителям жертв Акции, на союзе за ней вышел представитель объединения переселенцев — Владимир Зузуля. Бесчеловечная операция 1947 г. принесла много страданий, но, несмотря на все лишения, переселенцы смогли передать православную веру и традиции отцов своим потомкам.

По материалам информационных сайтов БПЦ

ПЛАНЕТА ПРАВОСЛАВИЯ

В Новой Зеландии освятили русский православный храм. Церковь в честь Николая Чудотворца открылась в городе Крайстчерч. Русская православная община в Новой Зеландии сегодня насчитывает пять приходов. Верующие активно проповедуют Православие в стране, а также призывают власти к уважению памяти их православных предков, как, например, в соседней Австралии. В Сиднее верующие добиваются сооружения на местном кладбище Руквуд мемориала «Святой Георгий Победоносец» в честь русских воинов (участников Великой войны 1914 года, Гражданской войны 1918-1922 годов и Великой Отечественной войны), похороненных на этом и на других австралийских кладбищах. Сейчас на кладбище Руквуд уже действует часовня.

Мощи Святого Мардария (Ускоковича) обретены в основанном им монастыре Святого Саввы в Либертвилле в штате Иллинойс (США). Гроб с мощами святого Мардария долгое время находился в цементном склепе. Когда его от-

крыли, обнаружили, что тело святого очень хорошо сохранилось. Под облачением целыми оказались и кожа, и даже волосы священнослужителя. После омовения и помазания мощи завернули в хлопок и лен и убрали во временный металлический гроб до официального прославления святого Мардария в июле 2017 г. Епископ Сербской православной церкви Мардарий (1989 - 1935) был управляющим сербскими приходами в США. Скончался 12 декабря 1935 г., был похоронен 18 декабря в монастыре. Архиерейским Собором Сербской Православной Церкви в 2015 г. был причислен к лику святых.

На территории легендарного детского лагеря «Артек» в ходе раскопок ученые-археологи нашли христианскую базилику VI века. Ученые считают ее ценнейшим христианским артефактом, обнаруженным в Крыму за последнее время. Исторически значимая территория не будет застраиваться, а пройдет процедуру консервации и реставрации, чтобы туристы могли приезжать и видеть артефакты с более чем 15-вековой историей. Сейчас на Крымской земле проходит исследование еще одного ценного исторического объекта — древнего крымско-татарского кладбища, которое также частично находится на территории «Артека».

Подготовила Ольга Михаленко

Аз, Буки,
Веди

«Молись в сокрушении духа Господу, чтоб Он открыл тебе очи видеть чудеса, сокровенные в законе Его, который — Евангелие, — наставляет святитель Игнатий Брянчанинов. — Открываются очи — и усматривается чудное исцеление души от греха, совершаемое Словом Божиим».

Воскресное Евангелие 6-й недели (воскресенья) по Пасхе называется «Об исцелении слепорожденного», а сам день носит название «Неделя о слепом» (Ин. 1:1-38). Почему в пасхальный период церковного года мы вспоминаем именно эту евангельскую историю, в которой главным действующим лицом выступает человек, в жизни которого происходит чудо?

Все началось с разговора Господа со Своими учениками. **«Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?»** (Ин. 9:2) — спросили ученики, указывая на сидевшего у дороги слепца. Иисус отвечал: **«Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать»** (Ин. 9:3-4).

Дела Божии — это дела, подвластные лишь всемогуществу Творца, превращающие небытие в бытие, болезнь — в здоровье, преодолевающие смерть дыханием вечной жизни. Вот и теперь Господь исцеляет очи слепорожденного, помазав ему глаза сгустком земли из плюновения. Слепец пошел на источник воды Силоам, что значит «посланный», там умылся и возвратился зрячим.

Очевидно, он хотел поблагодарить своего небесного врача, но Господь скрылся, оставив бывшего слепца среди соседей, которые тотчас повели его к фарисеям на суд, ведь при чудесном исцелении Господом был... нарушен закон субботнего покоя. Услышав рассказ вновь прозревшего человека, некоторые из фарисеев (фарисеи — партия ревнителей строжайшего исполнения иудейского религиозного закона) возмущались: **«Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы»** (Ин. 9:16). Другие говорили: **«Как может человек грешный творить такие чудеса?»**

Фарисеи даже призвали родителей бывшего слепца, надеясь, вероятно, услышать от них иную версию причины чудесного исцеления, однако те в испуге ответили: **«Сам в совершенных летах; самого спросите; пусть сам о себе скажет»** (Ин. 9:21). Так прозревшему человеку пришлось отвечать вто-

Веруешь ли ты в Сына Божия?

рично, и он с дерзновением спросил: **«Что еще хотите слышать? Или и вы хотите сделаться Его учениками?»** (Ин.9:27). Фарисеи с презрением укорили его, но бывший слепец воскликнул: **«От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего»** (Ин.9:32-33).

Прозревший человек был изгнан от фарисеев, однако вскоре его отыскал Сам Господь. **«Ты веруешь ли в Сына Божия?»** (Ин. 9:35) — спросил Иисус. **«А кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него?» «И видел ты Его, и Он говорит с тобою».**

Тогда бывший слепец ответил: **«Верую, Господи! И поклонился Ему»** (Ин.9:38).

Известный толкователь Священного Писания XX века святитель Николай Сербский (Велимирович), говоря об исцелении слепорожденного, вос-

кликает: «Блажен тот, на котором яляются дела Божии, и он их осознает и использует для спасения своей души». Святитель также сетует: «О, горе всем тем, кои с руками, переполненными Божиими дарами, поворачиваются к Богу спиной и в слепоте продолжают идти своими темными и суетными путями». Действительно, Господь ежедневно творит над нами «дела Божии», среди которых наибольшего внимания достойна повторяющаяся бескровная Жертва Христова, приносимая за род человеческий на каждой Божественной Литургии, где у нас есть возможность вкушать Тело и Кровь Христовы, способные по вере человека привести к обожению его человеческой природы и спасению от греха и смерти путем теснейшего общения с Богом! Но, увы, не многие из христиан в воскресенье спешат на спасительную **Обедню**, службу, освящающую прошедшую и будущую неделю скоротечного времени жизни!

Другой знаменитый толкователь Святого Евангелия блж. Феофилакт Болгарский (XI в.) обращает внимание на слова Спасителя: **«...Приходит ночь, когда никто не может делать»** (Ин.9:4). Под ночью подразумевается «будущий век», где «никто не может делать», в том числе верить, то есть совершать спасительный акт общения души с Богом, потому что «в будущем веке нет веры, но все будет повиноваться (истине — А.А.) — желающие и нежелающие». Эта фраза чрезвычайно важна для современного человека, которому обольщение идеологией ком-

форта внушает мысль о возможности начать религиозную жизнь «когда-нибудь», в старости или даже «за гробом», ведь там будут «все верующие»... Но в том-то и дело, что вера как проявление свободной воли человека там не имеет значения для спасения, там она уступает место неоспоримой действительности. Твоя вера там не будет являться добродетелью, поэтому она потеряет характер чего-то, достойного награды. Вот почему так важно верить не потом, а сейчас, не там, а здесь, пока тыходишь во свете дня и можешь проявить маленький личный подвиг преодоления лени, нерадения или преданности суете века сего.

По мнению православного греческого богослова Евфимия Зигабена (XII в.), название источника Силоам относится именно к событию исцеленного слепорожденного. Силоам значит «посланный» — так высоко ставит Священное Писание личность этого маленького человека, который провел всю жизнь, собирая милостыню. Слепец показывает каждому из нас пример евангельской кротости, веры и послушания. Ни слова не говоря — а ведь он мог и «засыпать» Учителя множеством недоуменных вопросов, — маленький человек идет к источнику и получает исцеление от слепоты. Причем, не только от слепоты телесной — она, в конце концов, заканчивается после перехода человека в мир иной, — сколько от духовного неведения, отсутствия веры в Спасителя.

Затем, по мнению Евфимия Зигабена, бывшего слепца ожидало испытание вновь рожденной веры. Фарисеи силились добиться от него отречения от Христа, признания Его грешником. Но слепец все больше и больше прозревает в своем внутреннем душевном устройстве, вера его не разрушается, а, наоборот, крепнет. Слово за слово, перед фарисеями маленький, «ничемный» человек становится все более уверенным, смелым, настоящим новым воином в полку Христовом, отчего противники даже, не без страха и досады, прогоняют его прочь.

Однако Господь находит прозревшую душу, чтобы спасительная вера бывшего слепца осталась непоколебимой до конца: **«Веруешь ли ты в Сына Божия?» — «Верую!»** — звучит ответ. В период после Пасхи это утверждение имеет особый смысл. Веруешь ли ты в Воскресшего Спасителя? Веруешь ли, что пасхальная победа Жизни над смертью может стать и твоим прозрением на пути к Богу? «Верую, Господи!» — отвечает Церковь со своими чадами, и в удостоверение веры приносит поклонение Воскресшему Христу.

Преподаватель МинДУ
Андрей Ахметшин

Праздник! Сквозь слезы и споры

Слова «праздник со слезами на глазах» давно стали определением Дня Победы. Вряд ли поэт Владимир Харитонов их придумал — скорее зафиксировал в тексте знаменитой песни. Да, была радость, была гордость, но слез — не меньше, а то и больше. Слез о невернувшихся сыновьях, мужьях, братьях, об оставшихся на полях боев однополчанам, о несбывшихся мечтах... Война была очень страшной. Люди праздновали ее окончание. О Великой Отечественной войне написано множество песен, стихов, книг, сняты десятки кинофильмов. Есть, конечно, среди них слабые, те, которые скорее можно отнести к средствам агитации, чем к произведениям искусства, но куда как больше по-настоящему ярких и талантливых.

А в последние годы тема Дня Победы вызывает слезы еще по одной причине: вдруг стало нужным объяснять, что мы празднуем, доказывать важность победы и право тех, кто пережил войну, праздновать. Сначала это было где-то далеко: в Таллинне убрали «Бронзового солдата», в Риге чествовали дивизию СС, во Львове оскорбили ветеранов-победителей... Все это вызывало бурю возмущения, недоумения. Тема войны казалась единственной, незыблемо привнесённой из прошлой советской жизни. Мы перестали верить в коммунизм (давно), пересмотрели отношение к революции. Но Отечественная... И вот уже в Беларуси приходится кому-то доказывать, что День Победы — праздник.

А в чем, собственно, аргументы противников? Давайте попробуем разобраться.

Главное, о чем пишут и говорят — катастрофически большие жертвы среди бойцов Красной армии, ополченцев и мирных жителей. Зачастую — жертвы неоправданные, вызванные паникой, неумелым командованием, страхом репрессий в случае отступления, а порой — и просто безразличием к жизни бойцов. Было? Еще как было, особенно в первые месяцы войны. Да с учетом того, что большинство опытных командиров было уничтожено к моменту вторжения немцев. Так ведь и празднуем не то, что война была, а то, что она закончилась. И неуместно на этом празднике бурное веселье, ибо помним и скорбим.

Далее идет набор обвинений в адрес Сталина и насаждаемого в освободенных странах режима. Ведь, опять же, не секрет — было союзничество с гитлеровской Германией, был пакт Молотова-Риббентропа и парад 1939 года... Было преступное пренебрежение к сведениям разведки. Было уничтожение комсостава. И

были заградотряды. И политотделы, трибуналы. И преступное отношение к попавшим в плен, выжившим на оккупированной территории. Глупо было бы спорить — сталинский режим был бесчеловечным. Но, кстати, при его жизни День Победы не праздновался. Очень неудобны были режиму и правдивые цифры о потерях, и фронтовики-победители, увидевшие жизнь за «железным занавесом», и миллионы калек, вдов, сирот... И ни от одного ветерана — а встречалась я с ними немало — ни разу не доводилось слышать, что воевали «за Сталина» — этот лозунг был продуктом идеологов. И победили не благодаря, а вопреки. Все же победили!!! Победили страшный фашистский режим, который нес одним народам порабощение, а другим — полное истребление.

О чем еще приходится слышать? О том, что советские бойцы и партизаны не были ангелами. Много пишут о случаях мародерства и насилия, особенно на территории Германии. Пишут по-разному. Когда я читала страшные истории из книги С. Алексеевича «У войны не женское лицо», я плакала. И уверена — ей, работавшей над этими историями, тоже было до слез больно. Иные же пишут, выискивая и смакуя компромат, так пишут, что кроме омерзения ничего их писанина не вызывает. Давайте признаем — были такие прискорбные факты. И описаны они и в документальной, и в художественной литературе. Заметьте: на фронт брали всех, не только нравственно чистых. Да и злобы поднакопилось. Что не оправдывает. Но кто дал право обвинять всех воевавших? Кто решил, что не нужно радоваться тому, что и это — закончилось?

Ну и пожалуй, последнее. Модно стало говорить, что, мол, «настоящих ветеранов уже нет, а в орденах ходят те, кто войны и не нюхал». И даже приводят примеры фальшивых «героев». Несложная арифметика подсказывает: 18-летним призывникам 41-го сейчас 94 года. Большинство, увы, не дожило. Но, слава Богу, некоторые еще в строю. И в строю мальчишки, приписавшие себе пару лет и ушедшие добровольцами. И подросшие в тылу и призванные в 44-м после освобождения Беларуси. И «сыновья полков». И приравненные к ветеранам малолетние узники концлагерей и жители Блокадного Ленинграда. И они заслужили право пройти по главным улицам с наградами на груди. И получить в подарок от нас цветы. И рассказать детям, как плохо это — война. А еще давайте не забудем ничем не награжденных солдатских вдов и детей военного времени, тех, кто без отдыха работал в тылу.

Наверное, лишь в одном согласуясь с противниками праздника — неприемлемо торжество напоказ. Неприемлема неуместная бравада и лозунги «можем повторить!», звучащие от абсолютно необремененных знаниями об истории людей. И неуместно использовать День Победы как повод для попойки.

Обдумывая этот текст, решила поговорить с молодыми — со своими 11-классниками. Нужен ли День Победы? Примерно так звучала тема беседы. И они говорили — хорошисты и троечники, тихони и «хулиганы» (которые, кстати, навещают ветеранов и в качестве волонтеров помогают в хосписе). По их мнению — нужен, но больше как день скорби и памяти. Чтобы не повторилось. Они рассказывали потрясающие семейные истории. Представляете, у одного парня прадед участвовал во встрече на Эльбе! И семейным преданием стал выгодный обмен: дед американцу звездочку с пилотки, а тот ему часы... Говорили о причинах войн, о войнах как поводах для рывков в науке и промышленности, о парадах для демонстрации силы. Честно. Обо всем. А вот по поводу вопроса: «Отчего многие, пережившие войну, категорически не хотят о ней вспоминать?» — возникла дискуссия. Стареют и забывают? Больно вспоминать? Вердикт молодежи был жестким: то, что пережили эти люди, несопоставимо с тем, как они живут сегодня. «Железного занавеса» не стало. И победители увидели, каков уровень жизни их побежденных сверстников. И обидно, и стыдно... И трудно не согласиться...

Уверена, среди моих читателей в основном люди, для которых День Победы — большой праздник. Каждый его отметил по-своему. Кто-то участвовал в панихиде — а они служатся в этот день во всех православных (наверное, не только) храмах, кто-то походом к мемориалу с цветами. За столом в кругу близких, любимыми военными песнями или наоборот — молчанием. Просмотром легендарных фильмов. Кто-то надел Георгиевскую ленточку (которая имеет самое прямое отношение к Орденом Славы, нравится вам это или нет), кто-то красно-зеленую, а кто-то принципиально никакой не надевал. Поверьте, среди всех этих людей есть те, которых искренне люблю.

Давайте никому не добавлять боли к уже пережитой. И помнить!

Елена Михаленко

Девочка с Лодочной улицы

Регина Ивановна Козловская, главная героиня этой истории, родилась в предвоенном Минске. Ее семьи коснулись и аресты НКВД, и фашистская оккупация. Проживая в самом центре города, она стала свидетельницей многих исторических событий. После войны Регина Ивановна закончила БПИ, стала мамой двоих детей, после — всю трудовую жизнь работала в Институте инженерных изысканий вместе с мужем. Воспитала прекрасных внуков, которые стали художниками.

Улица Лодочная

Я родилась 24 июня 1937 года. Любимые праздники каждого ребенка — День Рождения и Новый год. Новый, 1941 год мы встретили дружной семьей и под бой Кремлевских курантов желали друг другу счастья. А потом нас, маленьких, заботливо уложили в постельки, обещая, что под утро придет дед Мороз и оставит подарки. Так и было. Теперь я ждала Дня Рождения, и вот наконец наступило лето, и до моего четырехлетия осталось три дня... Что было дальше — вы хорошо знаете. Но я расскажу вам, как это происходило со мной и моей семьей. Нежданной гостьей явилась к нам война, и первый раз в жизни я забыла про свой День рождения и целый день проплакала от страха...

Мы жили в доме № 9 по улице Лодочной, с одного крыльца — наша семья, с другого — родители моего папы. Той Лодочной давно уже нет. Старинная деревянная улица с домами, вросшими в землю по самые окна, начиналась у сегодняшнего пересечения улиц Энгельса и Ульяновской — оттуда, где находится Лицей БГУ, и уходила вдоль Свислочи в сторону нынешнего парка им. Горького. Частично ее повторяет улица Красноармейская. Заканчивалась Лодочная пересечением с Казарменным переулком. Эта маленькая улица, если на нее посмотреть с высоты птичьего полета, лежала в окружении двух заводов: имени Кирова и Октябрьской революции. Рядом, на зеленом лугу у моста через Свислочь, блистали солнечными зайчиками теплицы, они кормили весь город. Начиная с 22 июня самолеты бомбили заводы, теплицы и превращали луг в военное поле, изъеденное воронками, словно черной оспой. Как можно было не плакать от страха, глядя на это крушение привычного мира?

Мои родители

Отец, Иван Гиляевич — мещанин с Лодочной улицы — появился на свет в 1902 году. Мать, Марья Ивановна, родилась в 1906 году в дворянской семье. Мама успела окончить 4 класса польской гимназии, она находилась на нынешней улице Кирова, напротив знаменитой «подковы» — привокзального гастронома. Красивое здание гимназии, а потом школы № 9, уцелело до сей поры. Дедушка и бабушка — дворяне, но революция всех сравняла, и бабушка на моей памяти жила крестьянским хозяйством. Местность в 6 км от Минска называлась Малявки — теперь это берег Чижовского водохранилища. Раньше там была река, а когда поставили плотину — она разлилась, затопив огромный луг. На берегу и сто-

ял домик, в котором выросли мама и два ее брата.

Отца в 1935 году арестовали. Он работал мастером на заводе Октябрьской революции, но это его не спасло от подозрений из-за «позорного» происхождения. Маму несколько раз вызывали в подвалы НКВД. По улице Энгельса еще остались те красные дома — там ей предлагали отречься от отца. Но она не отказалась, наоборот — писала начальству, посылала письма наркому обороны К.Е. Ворошилову — требовала разобратся... Оказалось, его нигде не увозили, и в заключении он пробыл недолго — скоро вернулся. Но мама с трудом узнала в изможденном калеке своего мужа. Он пришел, когда мама работала на огороде, оперся о забор и стоял, смотрел на нее, пока она не подняла голову.

— Что Вам нужно? Вы кого-то ищете? — спросила она.

Он не ответил. Она подошла поближе, что-то спросила, а он в ответ бесловесно промывчал. Потому что у него были выбиты все зубы, в груди свистел плеврит, легкие и гортань пожирал туберкулез. Вот таким вернулся мой отец. Его не гнали по этапу, куда гнать доходягу? Почему-то выпустили. Может, для устрашения других? Бабушка и мама купили корову и стали его отпаивать молоком с собачьим жиром. Папа окреп и стал мечтать о сыне, а родилась я. Когда мне исполнился год, а старшая сестра пошла в первый класс, отец умер. Вся наша родня похоронена на Кальварийском кладбище.

Держал ли он меня, счастливый, на руках или не обращал на меня никакого внимания, поскольку я не мальчик — я ничего этого не знаю.

У бабушки

И вот начались бомбежки... Мы еще немцев-то и не видели, но уже были напуганы до смерти самолетами и бомбами, крушащими город. Мама, оставив сестру при себе, быстро меня собрала и отправила к бабушке — деревни не бомбили. Но там уже появились немцы: затрещали мотоциклы, зазвучала в переулках немецкая речь. Увидев, что они заходят в дома, бабушка велела всем лезть в погреб. Недолго мы там просидели — вскоре в хату вошли немцы с собаками и вытащили нас всех. Жена маминого брата, который до войны работал начальником на железной дороге, была дочерью немки. Стоим мы перед немцами и их собаками, дрожим, мне всего четыре года, я вижу, как боются взрослые, а что творится в моей душе — не передать... И вдруг тетя стала с ними разговаривать по-немецки.

Нам непонятно было, о чем они говорили, но немцы вскоре ушли.

У бабушки был очень хороший двор, всегда чистый, аккуратно подметенный. Там я впервые увидела жестокую расправу над живыми существами. Немцы принесли мешок гусей. Расположившись на крыльце бабушкиного дома, они отрубили им головы. Гуси с окровавленными шеями летали по двору, обгряя кровью все, что попадалось им на пути. Это потрясение осталось у меня на всю жизнь — я до сих пор не могу взять в руки цыпленка, ни живого, ни мертвого. Потом немцы собрали свои мародерские трофеи и ушли. Долго дождик смывал кровь. А в это время в стог у бабушки прятались красноармейцы. Если бы их обнаружили — не миновать бы им участи бедных гусей...

Бомбежки в Минске

А Минск бомбили без конца и края. Взрослые говорили, что бомбили не только немцы, но и наши — чтобы насолить врагу, занявшему город. Особенно доставалось заводам и железной дороге. Так или иначе, но наша маленькая улочка в самом центре находилась между двух заводов, как меж двух огней, близко от вокзала. Стараясь как-то приспособиться и к этой горькой действительности, мама сшила нам два заплечных мешочка. В каждом из них всегда лежали две картошины, ломоть хлеба и теплая одежда. Как только объявляли воздушную тревогу, мама надевала на нас эти мешочки, и мы бежали прятаться на глубокий берег Свислочи. «Бомбоубежища» находили самые причудливые — люди буквально «вырывались» в берег. Над рекой росли кряжистые тополя, живописно обнажая свои корявые корни над обрывом. Под эти корни набивались целые семьи и целые дворы. У нас не было мужчин, способных что-то построить и придумать, мы спасались, как могли. Вокруг гремели взрывы, мы бежали, держась за мамино платье, а из корней раздавалось:

— Марьяванна, к нам!

— Тетя Маня, сюда! Здесь есть мешочко!

Нас почему-то все любили, нашу маму жалели, она была миловидная, сдержанная, очень искренняя.

Самая страшная бомбежка была 3 мая. Вот как пишет о ней Иван Григорьев: «Банкет, устроенный гитлеровцами 3 мая 1943 года в здании минской фельдкомендатуры, был в самом разгаре, когда с ночного неба вдруг посыпались бомбы. Одна из них угодила прямо в центр веселой пирушки. В считанные мгновения праздничное застолье превратилось в кровавое месиво. Для 158 офицеров, включая 8 генералов, эта вечеринка стала последней. Немцы в панике бежали за город. А для советских летчиков вечер только начинался: из 109 самолетов дальней авиации, взявших курс на Минск, многим удалось прорваться к заданным целям. Цели атаковали не наугад: каждая была определена заранее — летчики действовали

по наводке местного подполья, которое обеспечило необходимой информацией. Немцы не были готовы к налету и не оказали сопротивления. Помимо фельдкомендатуры на Карла Маркса, в городе было уничтожено несколько немецких казарм и общежитий, полевая комендатура и штаб авиачасти, ремонтные мастерские и гаражи вместе с оружием и тремя сотнями автомобилей, химический, дрожжевой и хлебный заводы, а также много других объектов. По данным советской стороны, от бомбежек погибли четыре тысячи солдат и офицеров, данные немецкой стороны сокращали эти потери вдвое. Между тем, как пишет в своих мемуарах командующий Дальней авиации маршал Александр Голованов, вовсе не заводы и казармы, а железнодорожные объекты были главными целями авиаударов. Нужно было во что бы то ни стало затруднить снабжение рвущейся на восток армии фюрера, подпитка которой осуществлялась главным образом по железнодорожным артериям. Именно через Минск из Германии и Польши интенсивно проходили эшелоны в район Курской дуги, куда стягивались гигантские силы для решающей битвы. В результате двухдневной майской бомбардировки в Минске были разрушены товарная и пассажирская станции, паровозное депо, склады, а также три воинских эшелона... Движение на железной дороге приостановилось на трое суток. Систематическим бомбардировкам подвергались и другие крупные железнодорожные узлы: Витебск, Гомель, Орша. Особенно сильно досталось последнему. Эти бомбовые авиарейды проводились регулярно, на протяжении мая-июня, вплоть до 5 июля 1943 года, когда началась кровопролитная битва на Курской дуге. До освобождения Минска оставался целый год».

Мы, просто маленькие дети, ничего этого не понимали. Мы просто тряслись от страха, а потом долго-долго боялись праздничных салютов. Когда впервые салютовали освобождению, ночное небо освещали яркие залпы, а мы вздрагивали и не знали, куда бежать...

Взрыв на улице Энгельса

В ночь с 21 на 22 сентября 1943 года в штаб-квартире генерального округа «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» в Минске, в особняке на Театрштрассе, нынешней улице Энгельса, взорвалась мина. Это было не менее чем десятое покушение на генерального комиссара Белоруссии, гауляйтера, группенфюрера СС Вильгельма Кубе, известного своими садистскими наклонностями, прозванного «палачом». Здание с историей, бывший особняк

Янчевского, где после жил Янка Купала, озарилось пламенем. Это было удачное покушение. Озлобленные немцы тут же принялись искать горничную Кубе Елену Мазаник, которая в то время уже летела на самолете в Москву, к своему мужу. Я хорошо помню этот взрыв и его последствия. Через не-

сколько минут после случившегося на нашей улице включили прожектора — стало светло, как днем, и пошли немцы с собаками. Они хватали всех молодых женщин, спящих в своих постелях, сидящих за книгой или шитьем, кормящих младенцев... Всех, кто приблизительно подходил под возраст Елены Мазаник, вели под прицелом и собирали напротив нынешнего Лицея БГУ, у реки. В нашем доме сбоку таился прикрытый корытом лаз, он вел под крыльцо — мама с сестрой залезли туда и сидели, как мыши. Мы с бабушкой остались в доме. Немцы заходили в каждый дом. Удивительно, как собака не почувала, что под крыльцом кто-то есть — быстро проскочила в дом... Бабушка говорила с солдатами по-польски — он тоже был поляк. Мы с ней под возрастную категорию не подходили — и наемник пошел дальше. Бабушка еще долго держала меня на руках, раскачивалась и повторяла:

— Любочка... любочка... любочка...

Я, уже привычная и к бомбежкам, и к немцам, была немного удивлена таким непонятным ее поведением. А мама и сестра сидели под крыльцом до утра. Мы слышали, как девушки и молодые женщины плачут у реки. Наутро стало тихо. Их там уже не было.

Немецкий офицер. Или советский?..

Два раза в наш дом заходили весьма примечательные люди. Одетые в немецкую форму, они тщательно хранились, говорили мало, на чистейшем русском языке. Эти случаи никто никак не комментировал. Я анализирую их теперь, спустя годы. Жена маминного брата, учительница немецкого языка, была связана с партизанами. Один раз мама вышла на улицу часов в 6 утра и быстро вернулась. За ней — немецкий офицер. Еще было темно, он сидел у нас в доме, не разговаривал, на нас не обращал никакого внимания, а немного рассвело — ушел, не проронив ни слова. Дважды появлялся у нас дома такой офицер. Во второй раз, уходя, он сказал «спасибо». «Спасибо»? В форме немецкого офицера? Меня это удивило, но мне приказали молчать. Скорее всего, это были переодетые партизаны. Второй наш гость ушел после того, как на соседней улице прогремел взрыв. Моя сестра меня «просветила»: «Этот дядя подложил мину».

С подозрительными людьми расправлялись коротко. В скверике возле Белорусского театра каждый день кого-то вешали. Из окна нашего дома были видны первые повешенные люди. Мы туда не ходили, мама строго-на-строго нам запрещала покидать наш двор. Но глаза не завязать, и со двора

мы видели: деревья обмотаны проволокой, она вьедалась в стволы под тяжестью человеческих тел. Еще долго сохранялись те проволочные кольца на деревьях и в мирное время. Проходя мимо, я живо видела все, что происходило здесь в моем детстве. Теперь их нет: может, те деревья срубили, или их проволочные раны заросли...

Куртка отца

Мама не работала во время войны, как многие минчане. У бабушки был огород, она нам помогала кормиться. А у нас в сарае жила корова. Она была такая разумница! Как будто понимала, что ее могут у нас отобрать. Нашу кормилицу мы подводили к речке, и она переплывала на другой берег и там паслась. Потом, вечером, мама подходила к реке и ждала — корова переплывала обратно. По дороге за коровой мама успевала помочь кому-то из военнопленных. Приблизительно в районе завода «Кристалл» немцы организовали лагерь. Территория, на которой люди стояли настолько плотно, что не могли сделать и двух шагов, была огорожена колючей проволокой. За этот провод попали и мамы братья. К счастью, им удалось бежать. Мама шла забирать корову по Октябрьской улице и возвращалась, минуя лагерь. Она подходила к проводу и громко спрашивала: «Кучинский есть у вас здесь?» Не знаю, это была ее воля или задание. Во что были одеты эти бедные узники? Гимнастерка — и все, нередко грязная и окровавленная... Климат у нас непростой: сегодня жарко, завтра — мороз... И мама все рубахи и брюки, какие были в доме, приносила сюда и через колючую проволоку подбрасывала военнопленным. У нас хлеба не было, но был огород и картошка. Мама сварит десяток картошки — и бросает пленникам. Если получалось — кому-то объясняла, как и в каком месте можно переплыть речку, чтобы попасть в деревню. Бывало, ночью слышно: стреляют. Мама вздыхает и говорит: «Видимо, пошел через речку тот, рыженький», — или имя назовет. Наш домик, стоящий на горе, был виден со стороны лагеря, как на ладони. И лагерь лежал прямо у подножия этой горы — он просматривался идеально. Да и путь мамы с коровой обозревался до мельчайших подробностей. Ее небольшие «отступления» от этого пути мне сейчас не кажутся безопасными, поскольку рядом с нашим домиком стояло двухэтажное здание, буквально начиненное немцами. И сейчас тот двухэтажный дом стоит у 6-иполиклиники... До войны там находился детский сад. Немцы организовали там центр развлечения: казино и своего рода гостиницу, куда водили девочек. Офицеры и солдаты, часто с собаками, все время ходили мимо нашего дома. Получалось даже, что они нас прикрывали. Мы, как мыши, сидели во дворе, никуда-никуда не выходили.

Теперь я удивляюсь смелости мамы. Однажды она вывела из лагеря крупного советского командира. От отца осталась кожаная куртка. Как-то, уходя за коровой, мама завернула эту кожаную куртку в холстину и взяла с собой. По пути она бросила сверток за

колючую проволоку. Корова переплыла реку и паслась на этом берегу, пока мама рвала траву. Как это получилось, я не знаю, но вернулись они вдвоем: военнопленный в куртке отца вел нашу корову, а мама несла мешок с травой. Немец, который жил у бабушки на постое, заволновался — вышел из дома, удивленно рассматривал гостя. Помню эту картину: мама и чужой человек в отцовской куртке стоят во дворе, немец их рассматривает, выходит бабушка, с улыбкой обнимает мужчину и говорит немцу: "Сын!"

Бабушка была такая умная, находчивая, так искренне радовалась и обнимала его... Не давая опомниться всем нам, она подтолкнула меня:

— Иди ж к папке, папка пришел!

Немец поверил в этот спектакль и пошел по своим делам. Дома военнопленный достал из сапога сорванные петлицы, обернул тряпочкой и спрятал поглубже в голенище.

Маме он сказал:

— Ты должна вывести меня отсюда.

И мама вечером пошла на берег: она впереди, а он — на большом расстоянии сзади. Она довела его до поля ржи и показала два тополя, посаженные дедушкой в честь рождения сыновей.

— Пойдешь на эти тополя, скажешь моей матери, что тебя Маня прислала.

Но к бабушке он не пришел. Это был очень порядочный и хороший человек. Когда Минск освободили, он вернулся! В центр города съезжались партизаны, наша Лодочная была вся запружена подводами, горели костры, готовилась еда... Мы, дети, подходили к подводам, нам давали галеты, а кто-то из мужчин даже брал нас на руки. Я, безотцовщина, таяла от счастья, если кто-то меня усаживал к себе на колени.

И вот к нам в дом пришел тот самый мужчина, обнял маму, расцеловал ее:

— Спасительница моя!

Пока мама пришла в себя, он взял меня на руки и говорит ей:

— Пойдем со мной! Тут моя часть, мой отряд стоит около Оперного театра. Пойдем, я тебе документ дам...

Но все были в страхе — первые дни, как освободили Минск, непонятно, что будет дальше... Он уговаривал:

— Я тебе детей поднять помогу! Пойдем! О твоей кожаной куртке весь отряд знает, она у меня как реликвия!

Требовал, чтобы она с ним пошла, чтобы был документ, что она не предательница, что жизнь спасла военному офицеру... Ведь не секрет — побывавших в оккупации подозревали в сотрудничестве с немцами. Но мама не пошла. С испугу, из осторожности ли, недоверия — не пошла. Потом войска ушли дальше на Запад, и мы никогда его не увидели и ничего не услышали о том человеке. Я уверена: если бы он остался в живых, нас без помощи не оставил бы.

Минск освободили

Минск освободили тихо, не было никаких торжественных слов и действий. Я сидела дома, да и мама

боялась покидать двор — по городу шастали мародеры и банды. К нам приехали родственники и посоветовали закопать вещи, чтобы их не украли. У бабушки и у мамы в буфете стояла хорошая посуда, были так называемые предметы роскоши: часы, украшения, одежда... Все, что нашли привлекательным для чужого глаза, закопали прямо в сарае.

Вспомню еще об одной примете времени. Это — стены в доме, а точнее — обои. Это же — настоящий альбом! Никто не снимал тогда нижний слой обоев, клеили новые на старые, а бабушка даже говорила маме:

— Манечка, зачем же снимать! Это же несколько хороших слоев! Миленькая, так будет теплее!

И висело ободранное шмотье этих обоев — один слой под другим, которые можно было листать, словно книгу

воспоминаний. Вот при этих, в рубчик, родилась я. А при обоях в розочки мы купили корову... При обоях в мелкие цветы — началась война... А когда она закончилась — клеили новые.

Откуда цветы?

У кого-то война закончилась раньше, чем у нас. А у нас — раньше, чем у других. К тем, другим, чтобы их освободить от войны, по городу Минску шли танки. Шли они по трамвайным путям, широко крутились гусеничные колеса, на броне — солдаты в гимнастерках и пилотках, такие красивые! С танка соскочил мужчина, подбежал к маме — наверное, он ее узнал, и стал быстро просить, уже догоняя своих:

— Белорусская, поняла? Против стадиона, номер дома..., — он назвал его и женское имя, которое я уже не вспомню. — Скажи ей, что я жив.

Мама сразу пошла туда и рассказала о встрече. Она знала его семью — все жили рядом. Тот человек с войны не вернулся. Как жаль, что родные не увидели его в тот день, — он был всего в 100 м от своего дома! Вот какая была дисциплина, какая жертвенность.

В тот день мне еще запомнились цветы. У нас во дворе всегда была клумба. На ней росли «разбитое сердце», «ботики», маргаритки... Во время войны на ней кустились жалкие остатки многолетников. Цветов в городе не было. Но когда шли танки, их забрасывали цветами! Тогда меня ничего не удивляло. А теперь, став взрослой, я часто думаю: откуда женщины брали эти цветы? Может, их собирали в полях? Они летели в

танкистов, под гусеницы танков, а мне, маленькой, казалось, что грозди цветов долетают до самого неба. Каждое 9 мая я вспоминаю те простые цветы на фоне синего неба.

Первоклассники, Машеров и новая жизнь

Когда освободили Минск, я сразу пошла в школу. Наш разновозрастный первый класс наполовину собрали из детдомовских детей. Рядом с семилетними сидели за партой десятилетние. Одеты кто во что горазд, голодные, слабые, но жаждущие знаний. Как только мы научились писать, отправляли на фронт кисты в сопровождении писем, написанных корявым почерком с пожеланиями и благодарностью «дорогому солдату». Кисты эти шили своими руками из того, что было. Я отрезала от своего носка верхушку, втянула ниточку — и отправила его на фронт. Получилось красиво: желтый с красным. Но мама расстроилась:

— Что же ты теперь будешь носить?!

В центре города мы сажали деревья, а еще — собирали металлолом на танки. Это было нетрудно: соседняя улица Красноармейская была полностью разбита. В развалинах валялись кровати, ведра, посуда, инструменты... Все это мы тащили во двор школы.

Учась в школе, я часто видела Машерова. Со мной училась девочка Рая, с чьей сестрой позже нас объединил один факультет. С их семьей связана грустная история. Партизаны каким-то образом были виновны в гибели их мамы. Петр Минович Машеров опекал эту семью. Мы учились во 2-й школе, как раз напротив ТЮЗа. Машеров часто стоял возле школы с кульками «подушечек» — встречал сестричек и их подружек и угощал.

Каждое лето меня отправляли в лагерь в «Стайки». Это совсем рядом с трагически известной деревней Тростенец. Наша воспитательница каждую смену водила нас туда. Помню большие ямы, доверху наполненные зажимами-держателями чулок... Это было место массовых расстрелов евреев. В отряде поговаривали, что здесь наша воспитательница нашла ложку, на которой было выцарапано имя ее ребенка.

Мы подрастали. Девушки, подраненные войной, гадкие утята, наряженные в перешитые из бабушкиных платья, в обуви чаще весьма символической, в кудряшках, завитых на ночь на мокрые тряпочки... Это — мы, послевоенные невесты. Мы все реже говорили о войне, мы забывали о детстве, полном страха и скудости. Мы строили новую жизнь, влюблялись, читали романы, смотрели фильмы... Но наше поколение все же объединяло одно — молчаливое понимание глубоко сидящего пережитого горя и унижения. Об этом — молчали. А в День Победы давали волю не только восторженной радости, но и слезам. И цветы я рвала и ставила в вазу на кружевную салфеточку самые простые, самые-самые...

**Литературная запись
Татьяны Дашкевич**

Детям Зимняя веточка проснулась в огромной хрустальной вазе и засмузилась:

— Ой, как стыдно! Ваза такая красивая, а мне и надеть-то нечего, и спрятаться негде... Лучше бы уж я в саду замёрзла...

Она выпрямилась и прижалась спиной к стенке вазы:

— Пусть думают, что я сплю...

К столу подошла маленькая девочка:

— А я тебя знаю! Это ты стучала в окошко, когда на улице мела метель. А потом сосулька упала с крыши, и ты отломилась от мамы-карины. Не бойся, тебя никто не обидит. Видишь, тебя в самую-самую лучшую вазу поставили, потому что ты красива!

Веточка посмотрела на своё отражение в воде и вздохнула:

— Где она красавицу увидела? Просто успокаивает...

Девочка разговаривала с нею каждый день. Вернее, девочка говорила, а веточка молча слушала. Од-

нажды девочка удивилась:

— Что это? Из домиков-почек листочки в окошки выглядывают! Они проснулись! Листочки, выходите поскорей!

Через несколько дней веточка стала зеленой. Теперь ей не было стыдно, и она с удовольствием хвалилась нарядом:

— Посмотрите, какие нежные у меня листочки! Один, два, три, четыре, пять... Их так много! Скоро я зацвету! Обязательно зацвету! Пущу корешки, и для меня найдут в саду самое светлое место. Я вырасту и не буду бояться сосуллек. Зимой ко мне в гости будут прилетать птицы. Я стану угощать их ягодами и слушать песни! Весной надену красивое белое платье. Летом спрячу тебя от жары, девочка! А осенью подарю самые красивые желтые листья!

— Я буду тебя поливать и охранять, — отвечала девочка. — Расти, веточка!

Веточка хорошела и крепла с каждым днем.

Но однажды в дом пришла беда: заболела бабушка, которую девочка очень любила. Она не вставала с постели и всё время спала. Лишь изредка открывала глаза и вздыхала:

— До весны не доживу...

Внучка гладила её беспомощные руки и плакала. Веточка тоже пригорюнилась, когда подружка рассказала ей о своей печали. А потом захлопала зелёными ладошками от радости:

— Да я же и есть весна!

Девочка взяла веточку и понесла бабушке.

— Уже весна, — обрадовалась та. — Как долго я спала!

Она очень быстро поправилась. Даже доктор удивился:

— Чудеса! Первый раз такое вижу! Чем бабушку лечили?

Бабушка улыбнулась и ответила:

— Добротой.

Любовь Шубная

ПРО 9 МАЯ

Нарядный букетик к груди прижимая, читаю стихи про «девятое мая». Но вдруг запинаясь на слове «война»! А в зале такая стоит тишина! Я помню слова, а сказать не могу, как дедушкин дед не сдавался врагу — за Родину дрался! За мир! За меня! И как не дожил до победного дня. Его погубила фашистская мина! Он дом не достроил, не вырастил сына... И я почему-то кричу в тишину: — Давайте к нам больше не пустим войну!

Наталья Карпова

МОЙ ДЕД ОСТАЛСЯ НА ВОЙНЕ

А мне приснился день вчерашний, И я как будто на войне С врагом схватился в рукопашной И победил... И страшно мне.

Повержен враг, но ком у горла — Вот рядом: смерть и тишина. Идёт и сеет всюду горе Старуха злобная — война.

Не познакомился я с дедом: Он там остался навсегда... И в слове радостном — ПОБЕДА — Есть привкус горечи — БЕДА.

Наталья Капустюк

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В полку бессмертном я и дед. Идём в строю, несём портрет. На фотографии солдат — Мой прадед много лет назад.

В семье рассказывали мне: Сражался прадед на войне, Так воевал героически он, то много раз был награждён.

Давно войны той страшной нет. Остался прадеда портрет, Который с дедушкой несём, И память долгая о нём.

Константин Вуколов

ИЗ ПОЧКИ ВЫЛУПИЛСЯ ЛИСТ

Из почки вылупился лист Блестяще-бесшабашный, Он огляделся и повис На веточке отважно.

С тех пор и в майскую грозу И в жгучий летний зной, Стоял на вверенном посту Бессменный часовой.

Зелёной армии солдат, Когда задула осень, Дождями с караула снят, Свою шинельку сбросил

И развевая на ветру Желтеющее знамя, Прильнул к оконному стеклу, Чтобы проститься с нами.

Иоанна Брилько

Рубрика подготовлена в сотрудничестве с порталом БрайЛенд

Международного творческого объединения детских авторов.

Главный редактор портала Константин Вуколов

Иконография Вознесения

Описание Вознесения Господа содержится в текстах Нового Завета: подробно об этом рассказывается в Деяниях святых апостолов (Деян. 1: 2–12) и Евангелии от Луки (Лк. 24: 50–51), краткое изложение этого события приводится в конце Евангелия от Марка (Мк. 16: 19). Согласно преданию, храм на месте Вознесения Христа (Елеонской горе близ Иерусалима) был воздвигнут стараниями святой императрицы Елены, которая побывала на Святой Земле около 327–328 года и организовала постройку святынь и строительство церквей.

В восточной части христианского мира до конца IV века празднование Вознесения и Пятидесятницы, вероятно, еще совершалось вместе, на пятидесятый день после Пасхи. Об этой традиции пишет западная паломница Эгерия, побывавшая в Святой Земле около 381–384 года. Она сообщает, что в вечер Пятидесятницы все христиане Иерусалима собираются на горе Елеон, идут «на то место, откуда Господь вознесся на небо», и совершается служба с чтением Евангелия и Деяний апостольских, повествующих о празднике.

Источники V и последующих веков уже однозначно выделяют Вознесение как отдельный праздник на сороковой день после Пасхи. К V веку относятся и первые дошедшие до нас изображения Вознесения, например, датированный началом V века аворий — резная планкетка из слоновой кости (Баварский национальный музей, Мюнхен).

В прямоугольный формат авория вписано две сцены: внизу изображены жены-мироносицы у Гроба Господня, вверху — Вознесение, представленное настолько непривычно для современного зрителя, что непросто идентифицировать изображенное. Иисус Христос широкими шагами поднимается по склону горы, держась при этом за десницу Бога-Отца, протянутую из сегмента, символизирующего духовное Небо, Царство Небесное.

Такое изображение является практически дословной иллюстрацией слов проповеди апостола Петра, сказанной сразу после сошествия Святого Духа на апостолов: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели. Итак Он, Был вознесен десницею Божию...» (Деян. 2: 32–33). В искусстве Западной Европы такой вариант иконографии был достаточно популярен и удержался до времени готики, на Востоке же этот извод не прижился.

На резной деревянной двери римской церкви Санта-Сабина (ок. 430 г.)

Вознесение изображено уже в более традиционном виде, хотя и с некоторыми особенностями, характерными для раннехристианского искусства. В центре верхнего регистра представлен Спаситель, возносящийся стоя во славе, изображенной не просто как ореол, а как большой лавровый венок. Эта деталь создает акцент на теме триумфа, победы — венки из лавра традиционно могли получать только победители соревнований или полководцы, возвращавшиеся в Рим после удачной кампании. С четырех сторон лавровый медальон как бы поддерживают на своих крыльях *тетраморфы* — четыре таинственных ангельских существа, имеющие лица льва, тельца, быка и человека, которых видел пророк Иезекииль во время явления ему Божественной славы (Иез. 1:1–26).

Художник пытается всячески подчеркнуть торжественный, триумфальный характер восшествия Господа во плоти на небеса. Аллегорические изображения Солнца и Луны представляют весь тварный мир, созерцающий Вознесение своего Творца.

Тема **Теофании**, явления Божества во всей Своей славе и силе, соответствует основному контексту события Вознесения. Ученики становятся свидетелями прославления Сына, свидетелями явления Божественной славы Бога Сына миру. Вознесение Господа — это и образ Его Второго пришествия. Явившиеся апостолам ангелы сообщили, что: «**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**» (Деян. 1: 11). Это эсхатологическое значение Вознесения передается через общий теофанический характер всей композиции.

Именно поэтому изображение Вознесения помещалось в самой иерархически значимой зоне храма — на своде купола. Существует предположение, что именно Вознесение было изображено в куполе ротонды Гроба Господня в Иерусалиме, возведенной святым Константином Великим.

В искусстве средневизантийского периода Спаситель изображался восседающим на престоле, на радуге или на небесной сфере. Такой вариант изображения утвердился в иконографии, поскольку он наилучшим образом передает догмат, изложенный в тексте Символа Веры: «**...И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца...**».

Практически всегда в композиции наблюдается интересный анахронизм: в нижнем регистре, рядом с одним из

двух указующих на Господа ангелов в белых одеждах изображается апостол Павел, который на тот момент не только не был учеником, но был гонителем христиан Савлом. Вскоре после Пятидесятницы он стерег одежды иудеев, побивающих камнями архидиакона Стефана, и одобрял это убийство.

Данное несоответствие хронологии объясняется тем, что икона никогда не понималась в Православии как точная, формальная иллюстрация текста Священного Писания. Икона не только «показывает» событие, но раскрывает его смысл и значение. Образ Вознесения — это образ Ново-заветной Апостольской Церкви, основанной Христом и распространенной по всей земле проповедью апостолов и их преемников. Поэтому на иконе Вознесения всегда изображается апостол Павел.

Икона не призвана выражать только «букву» Писания, иначе, например, изображение Богородицы на иконе Вознесения было бы сомнительным, так как в тексте не говорится о Ее присутствии на Елеонской горе. Однако Богородица всегда изображается, поскольку икона должна передавать самую суть Священного Писания, выражать основы Христианского вероучения.

Церковь учит, что Вознесение — это окончание земного служения Спасителя, завершающий момент домостроительства Сына Божия. Оно началось в Вифлееме, когда Вторая Ипостась Пресвятой Троицы — Бог Сын — воплотился от Пресвятой Девы. Ее присутствие на иконе Вознесения напоминает о начале домостроительства Сына, логическое завершение которого произошло на горе Елеон. Далее, с момента Сошествия Святого Духа, начинается новый этап истории — домостроительство Бога Духа Святого.

Надежда Нефедова
www.pravmir.ru

О воскресении детской души

Недавно мы с сыном ехали в метро. На одной станции зашли дети, сели рядом и напротив. Они очень отличались (даже больно писать эту фразу) от детей, которых я обычно вижу. Эти курточки не по размеру и изношенная обувь... огрубевшая не по возрасту кожа лиц, которая не знает теплоты маминых рук, втирающих детский крем. Больно кольнуло внутри: это я уже видела. В Доме ребенка в растянутых маечках три года назад стояли совсем малыши. И среди них — тот, который сейчас сидел рядышком со мной. Родной и близкий человек. Мой сын.

А это — школьники, разного возраста. Мальчишки лихо что-то обсуждали, смеялись. А две девочки сидели тихо напротив и смотрели на нас с сыном... И лица... такие же грустные и сосредоточенно-изучающие, как у тех малышей в Доме ребенка. Ни тени улыбки. На некоторых лицах следы от алкогольной зависимости их несостоявшихся родителей — если заглянуть на сайт с базой данных детей-сирот от Национального центра усыновления, просмотрев фото детей, можно понять, о чем я.

И мысль, которая сразу проскочила в голове: ведь ничего этого не было бы заметно, если бы у каждого ребенка был свой «личный» взрослый. У каждого из них была бы другая, своя личная история, другая одежда и другие глаза. Чувство, что ты чей-то, что ты нужный — базовое чувство человека, меняющее все его существо и дающее силы жить. Лица девочек говорили о том, что они устали. Как лица работяг после смены на заводе.

А еще у многих были наушники. И они так вот и сидели, закрытые от всего окружающего мира. В своем мире. В напряжении. И этот их мир совершенно другой... И эти дети вырастут — а их мир останется внутри них, к напряжению прибавится обида за то, что «я не такой», за свое прошлое, за себя самого... Просто потому, что их сердца в детстве не напитала всепринимая мамина Любовь. У меня на минуту возникла мысль, что материнская Любовь — это та часть всеобъемлющей Божественной Любви, которую каждый из нас получает извне, от своего ближнего. И, наверное, изначально — только от мамы. А если мамы нет? Что внутри? Пустота...?

Я интуитивно пришла к себе. Не знаю, как описать то, что я чувствовала в тот момент. Это очень больно — видеть и чувствовать одиночество. Пусть не свое — но именно о нем говорили глаза детей. Именно то внутреннее, разъедающее изнутри и отражающееся на лице чувство.

Как у моего сына в первый день дома. Ему тогда было полтора годика, и он просто висел у меня на руках сутками, боялся отпустить. Эта боль пронизывала все его существо и эхом отдавалась в моем сердце. Думаю, это сложно представить, не будучи мамой ребенка с израненной судьбой.

И теперь очень хочется сделать так, чтобы у каждого из этих детей был свой взрослый... Взмахнуть бы волшебной палочкой — и в метро между ними будут сидеть дяди и тети и держать их за руки... курточки будут по размеру... волосы девочек убраны не в хвосты с резинками, на ногах не серые кроссовки, а в глазах не напряжение...

Два года назад мы с семьей участвовали в первом Фестивале усыновителей. Собралось 100 человек: семьи с детками и те, кто на пути к своим детям. И было так радостно видеть детей без напряжения на лицах, понимая, что еще

недавно в их глазах жила грусть.

Когда видишь это изменение, — «метанойю» маленькой человеческой души, — понимаешь, как много зависит от того, кто с тобой рядом. Точнее — чтобы был тот, кто рядом. И как никогда понимаешь слова Христа о любви к ближнему. Почему это так важно? Да потому что человеческая душа, не получившая в детстве необходимую частичку Любви от матери, начинает потихонечку воскресать от того, что ты просто рядом. И когда ты понимаешь, что причастен к этому чуду, это наполняет тебя самого.

Усыновление ребенка — сложный путь, во многом отличный от обычного родительства. Ведь душа, хоть и маленькая, имеет опыт оставленности, одиночества. И этот опыт следует за ребенком долгие годы, влияет на его поведение и особенности развития. Об этом мало кто знает, чаще всего проблемное поведение детей списывают на плохую наследственность. И только приняв ребенка в семью, даже младенца, понимаешь, что помимо физических особенностей развития нервной системы, он психологически травмирован отсутствием постоянного взрослого рядом. Этот уже доказанный психологической наукой факт называется травмой депривации. На постсоветском пространстве совсем недавно говорили об этом, и усыновители зачастую после появления ребенка в семье остаются один на один с вопросом о том, как помочь ему пережить эту боль.

Многие из тех, кто побывал на прошлом фестивале усыновителей, и неравнодушные люди снова собрались вместе, и при поддержке Свято-Елисеевского Лавришеского монастыря планируют провести фестиваль усыновителей «Родные люди», сделать это

мероприятие ежегодным, организовать постоянную площадку для обмена опытом и поддержки друг друга. Создали страницы фестиваля в соцсетях и сайт www.rodnye.by, на платформе социальных проектов Maesens.by участвуем в конкурсе социальных проектов <https://maesens.by/cause/festival-semei-usynovitelei-rodnye-liudi>.

Свято-Елисеевский Лавришевский мужской монастырь и лично наместник игумен Евсевий активно поддерживают усыновителей. В 2013 г. была начата активная работа по привлечению людей, которые готовы принимать в свою семью на воспитание детей. Силами неравнодушных был отремонтирован один из монастырских домов, где сегодня живет приемная семья, которая усыновила троих детей. В ближайших планах у монастыря — открытие ресурсного центра для приемных семей, в рамках которого планируется организовывать семинары, терапевтические занятия, круглые столы, тренинги с приглашением специалистов из России. На первый фестиваль приезжала матушка Ольга Киселева с семьей из Санкт-Петербурга и проводила тренинг по телесно-ориентированной терапии Семейной мягкой школы, благодаря которому можно было понять и почувствовать, как работать с психологической травмой ребенка при помощи телесного взаимодействия.

В этом году фестиваль пройдет в обители 1-3 июля и примет 150 участников и 20 специалистов. Во время фестиваля планируется начать строительство дома, который, надеемся, в самом ближайшем будущем сможет принять еще одну семью.

Для чего еще нужен фестиваль — чтобы в обществе сформировалось понимание того, что среди нас есть дети с особой судьбой, и им для исцеления нужно просто жить в семье. Просто быть рядом с постоянным взрослым. И что усыновление — это не героизм и не акт отчаяния бездетных супругов — это абсолютно нормальный акт взаимопомощи между взрослым и ребенком. Ведь дети — они и правда как цветы: достаточно быть рядом и заботиться, и маленькая душа расцветает. Как первые весенние цветы после долгой зимы.

Мы будем рады любой поддержке нашего проекта!

Реквизиты: Братство в честь преподобного Елисея Лавришевского Новогрудской епархии Белорусской Православной Церкви «Для фестиваля усыновителей». 231427 Гродненская обл., Новогрудский р-н, п/о Лавришево, д. Гнесичи; Тел/факс: 801597-99-256 МТС (+37533) 318-17-08. УНП 500833054 Р/с текущий - 3015415140015, РКЦ № 25 г. Новогрудок. Благотворительные: в ЕВРО - 3135415145017 в руб. - 3135415148014 в дол. США - 3135415145020 филиал ОАО «Белагропромбанк», код 152101457 Адрес банка: Гродненская обл., г.Новогрудок, ул. Лейнина, 1а.

Ольга Зарецкая

Мать Мария

Часть 1. Путь к монашеству

**«...нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»
(Ин. 15, 13).**

XX век был страшным по разгулу непредсказуемых исторических событий: войны, революции, концлагеря, потоки эмигрантов, — и все это сопровождалось неизменным оскудением любви в людях и усилением животных страхов перед голодом, болезнями, страданием, смертью. Человечество теряло свои человеческие черты, но, по особому закону мироздания, чем темнее становилась ночь истории, тем ярче сияли души тех, кого потом, уже в XXI веке, признали настоящими героями, а некоторых христианская церковь даже причислила к лику новомучеников. Наверное, чтобы уравновесить концентрацию зла, в мире жили, светили и молились такие Люди, как мать Мария (Скобцова).

Она прожила яркую, насыщенную, но очень сложную жизнь, мужественно перенося исторические катаклизмы и семейные трагедии, похоронив двух своих дочерей, проводив единственного сына в концлагерь. Видя беззакония, творившиеся в мире, мать Мария сохраняла в сердце непоколебимую веру в Бога и по-христиански помогала каждому, кто нуждался в поддержке. В самые сложные времена, когда многие старались исчезнуть или раствориться в безликой толпе, она активно противостояла нацистской оккупации, помогала прятать тех, кому грозил арест, а иногда и освобождать заключенных. Организованный ею дом-приют для бедных в Париже стал одним из основных штабов движения сопротивления в Европе. За эту деятельность в феврале 1943 г. ей самой была угрожена участь заключенной концлагеря. Проведя почти два года в лагере, монахиня Мария была казнена в газовой камере Равенсбрюка 30 марта 1945 г., в Страстную Пятницу, за несколько дней до Пасхи. По некоторым сведениям, она приняла мученическую кончину, добровольно пойдя на смерть вместо другой женщины...

Что руководило ею? Что способствовало ее духовному росту и развитию, что позволяло сохранять мужество и веру, силы и любовь, несмотря на все ужасы, увиденные и пережитые? Что укрепляло монахиню Марию в последние годы, а особенно в последние минуты жизни? Во всем этом попробуем разобраться, обратившись к истокам.

Будущая мать Мария родилась в Риге 8 (20) декабря 1891 г. Ее первое

имя, полученное при рождении, Елизавета Пиленко. Дом № 21 по улице Элизабетес в Риге, где появилась на свет и провела свои первые годы жизни Лиза, сохранился и сегодня. В 2011 г. на нем установили мемориальную доску.

Все свое сознательное детство, лет с трех, Лиза жила с семьей на берегу Черного моря — вначале в Анапе, в родовом имении с виноградниками, затем в Ялте, где отец служил директором Императорского Никитского ботанического сада и училища садоводства и виноделия. Только в 14 лет, после внезапной смерти отца, которая стала большим ударом для всей семьи (а Лиза даже, по ее собственным словам, после потери отца на время потеряла и веру в Бога), Елизавета переехала с матерью и братом в Петербург.

Следует отметить, что большое влияние на мировоззрение юной Лизы оказала переписка с обер-прокурором Священного Синода Константином Петровичем Победоносцевым, которая завязалась, когда девочке было всего пять лет. Конечно, вначале это были совсем простые письма, но со временем они очень помогали духовному становлению Елизаветы. «Я помню, — писала она много позже, — что в минуты всяческих детских неприятностей и огорчений я садилась писать Константину Петровичу, что мои письма к нему были самым искренним изложением моей детской философии... Помню, как взрослые удивлялись: зачем нужна Победоносцеву эта переписка с маленькой девочкой? У меня на это был точный ответ: потому что мы друзья».

Чем старше становилась девочка, тем сложнее были вопросы, волновавшие ее душу, и вот пришло время, когда она задала своему другу и одновременно духовному наставнику самый сложный вопрос: «Что есть истина?». И он ответил глубоко, по-христиански: «Милый мой друг Лизанька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему — не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и

большие дела — не дела вовсе. И настоящие дела — ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...».

Ответ этот на тот момент не понравился своевольной девочке-подростку, быть может, показался слишком простым, несовременным, и Лиза прерывает переписку. Однако, как ни странно, к концу жизни она будет жить именно по этому принципу, следуя полученному наставлению до конца, до потери самой себя в любви к ближнему и заботе о других...

Но пока она молодая, активная, прогрессивно мыслит и рвется в гущу событий, как исторических, так и культурных. В Петербурге — на волне Русского религиозно-интеллектуального возрождения — она, юная девушка стремится к постижению абсолютной истины, много рассуждает, общается, спорит, сама начинает писать стихи, часто посещает модные в то время литературные салоны и кружки.

Вскоре Лиза знакомится с поэтом-символистом Александром Блоком, и тот посвящает ей стихотворение, в котором предстает тонко угаданный образ именно той Елизаветы, какой она была в пятнадцать лет:

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?*

*...Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте
о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились
в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные
и нерифмованные речи
о земле и о небе.*

Довольно быстро поэтические пожелания Блока сбываются, и Елизавета знакомится с молодым юристом Дмитрием Кузьминым-Караваевым, за которого в восемнадцать лет и выходит замуж. Так появляется

ее второе имя — Елизавета Кузьмина-Караваева, под которым в литературных кругах Петербурга, куда ее введет молодой супруг, будет известна молодая, довольно талантливая, своеобразная, подающая надежды поэтесса. Пишет она в основном на философские темы — о смысле бытия, о Боге, о поисках себя в этом мире:

*Тружусь, как велено, как надо;
Ращу зерно, собираю плод.
Не средь равнин земного сада
Мне обетованный оплот.*

*И в час, когда темнеют зори,
Окончен путь мой трудовой;
Земной покой, земное горе
Не властны больше надо мной;*

*Я вспоминаю час закатный,
Когда мой дух был наг и сир,
И нить дороги безвозвратной,
Которой я вступила в мир.*

*Теперь свершилось: сочетаю
В один и тот же божий час
Дорогу, что приводит к раю,
И жизнь, что длится только раз.*

Однако через несколько лет Елизавета и Дмитрий расходятся. От первого брака остается дочь Гаяна, которая после развода родителей переезжает с матерью и бабушкой в Анапу. Начинается 1918 год, в приморском городе царят беспорядки, и активная Елизавета опять в центре политических событий, в результате которых ее сперва избирают членом муниципального совета, а в скором времени и вовсе — городским головой. Она мужественно и самоотверженно решает возникающие проблемы в условиях постоянной смуты, противостоит разорениям гражданской войны, пытается сохранить культурные ценности города. В итоге, при очередной смене власти ее арестовывают белогвардейцы и, обвинив в со-трудничестве с местными советами, отдают под военный трибунал. Дело вполне могло закончиться казнью, но благодаря заступничеству авторитетного деятеля кубанского казачьего движения Даниила Скобцова, Елизавету приговорили всего к двум неделям домашнего ареста. Вскоре после происшедшего Елизавета Юрьевна выходит замуж за своего избавителя. Так появилось ее третье имя в миру — Елизавета Скобцова. Именно под этим именем она покинет Россию навсегда...

Новый муж Елизаветы, активный политический деятель, член кубанского правительства, прекрасно осознал, какая трагедия разворачивалась в России и что ожидает его семью в скором времени, а потому настоял на эмиграции. Новороссийск, Тифлис, Константинополь, Сербия... Несколь-

ко лет трудного, полного сложностей и лишений, скитания на чужбине в поисках нового дома. Во время этого пути в новой семье Елизаветы появляется сын Юрий, а затем дочь Анастасия. Рядом муж Лизы, ее мать и дочь от первого брака. Наконец, в 1923 г. семья перебирается в Париж — центр русской эмиграции того времени. Но и здесь, во Франции, их ждет вовсе не радостная и беззаботная жизнь, а участь изгнанников — нужда, болезни, неопределенность положения, неуверенность в завтрашнем дне. Даниил Скобцов устроился шофером такси. Елизавета Юрьевна соглашалась на любую работу: «Чищу, мою, дезинфицирую стены, тюфяки, полы, вывожу тараканов и других паразитов, ходила по эмигрантским квартирам, выводила поколения клопов, уверяя, что это творческий подвиг». Может быть, именно в те трудные годы и появляется та будущая мать Мария, которая не гнушалась никакой работы и могла все делать самозабвенно: и стихи писать, и плотничать, и лекции читать, и стены красить. И через любое дело, сделанное с полной самоотдачей, — помогать ближнему своему.

Вот и теперь, в перерывах между заботами о семье и о хлебе насущном, Елизавета Скобцова публикует в эмигрантских журналах повести и автобиографические очерки о своей жизни в России, о Гражданской войне.

Весной 1926 г. от менингита умирает младшая дочь Елизаветы Анастасия. Личная трагедия — потеря младшего ребенка — становится,

как ни странно, началом духовной трансформации Елизаветы Скобцовой: она вдруг остро осознает ту бездну горя, в которую погружается весь мир, и находит смысл жизни в самоотверженном служении людям, но не в социально-политическом, и даже не в литературно-творческом, как раньше, а в христианском служении — с

благословением и во имя Божие.

В 1926 г. она начинает посещать богословские курсы на Сергиевском подворье в Париже. Там она постепенно знакомится с выдающимися богословами и религиозными деятелями того времени, а о. Сергей Булгаков становится ее духовным отцом. Через несколько лет она заочно оканчивает Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже.

Одновременно, начиная с 1927 г., Елизавета активно сотрудничает с Русским студенческим христианским движением (РСХД). Ее основная задача — оказание всякого рода поддержки русским эмигрантам. «Во время своих поездок по Франции она видит русских, страдающих хроническими заболеваниями, туберкулезных, спившихся, сбившихся с пути.

Она посещает дома умалишенных и находит там русских, которые, не зная французского языка, не могут объясниться с врачами. Она понимает все отчетливее, что ее призвание не в чтении блестящих докладов, а в том, чтобы выслушать, утешить, оказать конкретную помощь. В этом ее диаконическое служение. После ее выступлений люди спешат поговорить с ней наедине. Случалось, что перед комнатой, где она вела разговоры, собиралась очередь, как перед исповедью. Но главное, к чему она стремится — это отдать все свои дарования Богу и людям» (отрывок из статьи прот. Владимира Воробьева, Елены Делоне «Мать Мария (Скобцова): Горячее сердце»).

В это время она пишет:

*Мне кажется, что мир еще в лесах,
На камень камень, известь,
доски, щебень.*

*Ты строишь дом. Ты обращаешь прах
В единый мир,
где будут петь молебн.*

*Растут медлительные купола...
Неименуемый, Нездежный. Некто,
Ты нам открыл лишь чрез Твои дела,
Открыт нам, как Великий Архитектор.*

*На нерадивых Ты подьешь бич,
Бросаешь их из жизни в сумрак ночи.
Возьми меня, я только Твой кирпич,
Строй из меня,
Непостижимый Зодчий.*

Постепенно становится все отчетливее желание Елизаветы принять монашеский постриг. Решение простое, а в данном случае оно было сопряжено еще и с рядом трудностей. Во-первых, Елизавета Скобцова была дважды замужем, воспитывала детей. Во-вторых, некоторых настоятелей ее политические убеждения, отдельные высказывания, активная социальная позиция. Она не была человеком, который хотел уйти из мира. Напротив, она много делала для людей на тот момент. Но большую поддержку Елизавете в ее стремлении к монашеству оказал митрополит Евлогий (Георгиевский), глава православных русских приходов в Западной Европе, он даже нашел каноническое разрешение, признавая допустимость развода, если один из супругов хочет вступить в монашескую жизнь, а второй не против этого.

И вот 16 марта 1932 г. на Сергиевском подворье в Париже происходит монашеский постриг, во время которого митрополит Евлогий сказал следующие слова: «Нарекаю тебя в честь Марии Египетской: как та ушла в пустыню к диким зверям, так и тебя посылаю я в мир к людям, часто злым и грубым, в пустыню человеческих сердец». Елизаветы Скобцовой больше не было. На свет появилась монахиня Мария, или мать Мария, о которой в скором времени узнают многие. Именно это имя станет самым известным из всех четырех и сохранится в истории навсегда...

Людмила Авдейчик

Скорбные кресты Куропат

22 апреля, в субботу Светлой седмицы, в урочище Куропаты в память всех невинно убиенных состоялась панихида. Отслужили ее клирики 3-го Минского городского благочиния во главе с благочинным прот. Николаем Коржичем.

— Переживая и празднуя дни Святой Пасхи, мы празднуем то, что распятый, пострадавший Господь Иисус Христос победил Своим Воскресением смерть, победил зло, победил тьму, победил все плохое, что есть в этом мире! Вспоминая память тех, кто был расстрелян и погребен на этом месте, мы отдаем долг молитвы за этих людей. Конечно, мы должны помнить всех пострадавших за веру Христову, всех невинно умученных и убиенных в те тяжелейшие годы.

Да упокоит их Господь в селениях с праведными! Вечная им память! — с такими словами проповеди обратился о. Николай к собравшимся.

Духовное пощение о скорбных Куропатах несет настоятель Успен-

ского прихода в д. Цна иерей Адриан Латушко, также участвовавший в богослужении и приехавший вместе со своими прихожанами. Он совершает здесь панихиды дважды в год: на Радоницу и на Дмитриевскую родительскую субботу.

Конечно, люди приходят сюда намного чаще, в том числе и для молитвы. Урочище Куропаты — это мемориал памяти, созданный людьми без участия официальных структур. Это место захоронений, большая часть которых еще не исследована. Это взмывающие к небу кресты. Это иконы на камнях — работы иконописца Анатолия Кузнецова. Это таблички с именами — чаще тех, кто был репрессирован в конце страшных 30-х и чье истинное место упокоения неизвестно...

Куропаты — лесное урочище на северо-восточной границе Минска, где были обнаружены массовые захоронения людей, расстрелянных в конце 1930 - начале 40-х годов. Количество жертв на сегодняшний день остается точно неизвестным. Генеральная Прокуратура РБ озвучивала цифры от 7 до 30 тысяч человек, но, по мнению исследователей, речь может идти о сотнях тысяч убиенных. С 1993 г. урочище Куропаты внесено в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь как место захоронения жертв политических репрессий 1930 - 40-х годов. Куропаты представляют международный интерес.

По свидетельству бывших жителей д. Цна и Зеленый Луг, здесь проходили массовые расстрелы, а тела укладывались в глубокие ямы и закапывались. Место казней в 1937 г. было обнесено высоким забором. В годы Великой От-

чественной войны местные жители разобрали доски забора — нечем было топить печи. Вот тогда и стали впервые находить страшные могилы. Официально впервые упомянуты Куропаты были в 1957 г., когда при прокладке дороги Минск — Заславль нашли человеческие останки. В конце 80-х, прокладывая газопровод, могилы потревожили вновь. Это было уже время перестройки, и о месте массовых репрессий заговорили. Первым исследователем Куропат стал тогда Зенон Позняк. 14 июня 1988 г. Прокуратурой БССР было возбуждено уголовное дело, затем Советом Министров БССР была организована правительственная комиссия по расследованию.

В ходе следствия на территории около 30 га было обнаружено 510 захоронений. При выборочной эксгумации были обнаружены человеческие останки, принадлежащие не менее, чем 356 людям, личные вещи (расчески, зубные щетки, кошельки, обувь, остатки одежды), гильзы и пули.

Первое следствие по факту массовых расстрелов, окончившееся в ноябре 1988 г., определило число погибших в 30 тысяч человек. По окончании следственных действий Генпрокуратурой было обнародовано постановление о прекращении уголовного дела о Куропатах: «...Достоверно доказано, что расстрелы осужденных осуществлялись сотрудниками комендатуры НКВД БССР. Принимая во внимание, что виновные в этих репрессиях руководители НКВД БССР и другие лица приговорены к смертной казни либо к настоящему времени умерли, на основании изложенного... уголовное дело, возбужденное по факту обнаружения захоронений в лесном массиве Куропаты, прекращено. Обнаруженные при эксгумации захоронений предметы одежды, обуви и т. п. как не имеющие ценности уничтожить».

На протяжении 1990-х годов следствие по делу несколько раз возобновлялось. В 2008 г. оно уже насчитывало 15 томов. Немало вышло за эти годы статей на тему Куропат. Трудно назвать некоторых исследователей беспристрастными. Историческая тема оказалась тесно связанной с политическими амбициями. Если одни стремятся обличить советскую карательную систему, то другие, напротив, — пытаются найти в Куропатах «немецкий след», доказать, что если не все, то большая часть казненных — жертвы фашистов. Исследуя найденные в захоронениях вещи, авторы делают очень разные выводы. И все же, как бы кому-то ни хотелось опровергнуть — палачи из НКВД убили здесь тысячи людей. Белорусов, русских, поляков, евреев. Судя по датам изготовления обуви, процесс активизировался

в 39-м, после присоединения Западной Беларуси к СССР.

Узнать о Куропатах может каждый желающий — информации в интернете немало. И все же ощутить, что стоит за сухими цифрами, можно только приехав туда. На изрытый ямами (могильными?) участок леса, где негромко шумят сосны и молча высятся кресты. А еще лучше побывать на экскурсии, которую активисты совершенно бесплатно проводят каждую субботу. Вот и мне перед панихидой посчастливилось побывать на такой экскурсии, проводила ее Валерия Черноморцева. Свидетельства, фотографии, судьбы... Живые истории, страшные, не оставляющие места равнодушию. Тогда я и узнала, что название Куропатам дали белые весенние цветы...

Во всех постсоветских странах, кроме Беларуси, есть мемориалы, а где-то и музеи, посвященные жертвам советских репрессий. В соседней России их немало, самые знаменитые — Соловки, Бутово. В нашей стране таким местом могут быть Куропаты — они на слуху, хотя — увы — не единственные. К сожалению, историческая память порой не может пробиться сквозь политические амбиции и интересы. Хотя жертвами той кровавой мясорубки люди становились независимо от национальности, религии и рода деятельности.

Несколько месяцев назад Куропаты вновь привлекли к себе внимание: урочище пришлось защищать от попыток строительства коммерческого объекта на костях. Власти заговорили о строительстве мемориала и часовни. Хотелось бы, чтобы это, наконец, произошло. Но чтобы проект выбирали люди, небезразличные к черным страницам нашей истории. Очень хочется мира! А он невозможен без памяти и без желания услышать друг друга.

Елена Михаленко

«Божа, не дапусьці гневу людскога, нянавісьці, помсты і гвалту над тымі, хто ўсё гэта зрабіў. Бо гэтыя нялюдскія пачуцьці ізноў народзяць гнеў, нянавісьць, помсту і гвалт. І гэтак будзе бясконца...»

Божа, пакарай іх Сам. І ў гэтым пакараньні няхай будзе асэнсаваньне імі свайго ўчынку, і каб віна за гэты ўчынак мучыла іх да скону веку іхняга. І каб прыйшлі яны да Цябе, Госпадзі. А прыйшоўшы ў храм, стаялі на коленах і прасілі б Цябе аб літасьці. А далей, Госпадзе, — будзь воля Твая. Амінь.»

Лявон Калядзінскі, археолаг, удзельнік раскопак Куропатаў

Святую Софию восхвалим

Доброй традицией в минском приходе в честь святой благоверной княгини Софии Слуцкой стало празднование дня рождения небесной покровительницы. Софья Юрьевна Олелько-Радзивил родилась 1 мая (14 по новому стилю) 1585 года. Ей уготовано было стать защитницей Православия на Слуцкой земле в трудные годы, когда православных верующих силой заставляли переходить в католичество или принимать униатство.

Храм в микрорайоне Курасовщина стал первым в мире, построенным в честь благоверной княгини Софии. Приход успешно сотрудничает с Октябрьским райисполкомом, что помогает проводить немало просветительских мероприятий. Вот и в этот раз в праздничном концерте приняли участие музыкальные коллективы столичных школ.

Открыли праздник протоиерей Сергей Комлик, благочинный 6-го минского округа, и приходские священнослужители. Своим певческим искусством зрителей радовали хор храма св. Софии п/у Натальи Вальковой, молодежный хор «Фреска» п/у Анастасии Титовой, хор «Радуйся» Свято-Елисаветинского монастыря, хор «Артос» храма Воскресения Христова п/у Павла Гонца. Звучала авторская поэзия Елены Михаленко и Елизаветы Полеев, духовные песни исполнил семейный дуэт Евгения и Елены Пименовых. Инструментальные номера сменялись вокальными и хореографическими. А «Христос воскрес!» в этот день прозвучало на русском, белорусском, английском, французском и финском языках!

Основные труды по организации концерта взяла на себя секретарь прихода св. Софии Слуцкой, член Союза писателей Беларуси Тамара Левишко. Зрителями были прихожане и жители микрорайона всех возрастов.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ГАЗЕТЫ «ВОСКРЕСЕНИЕ»!

Наше издание находится в очень тяжелом материальном положении. Газета не имеет постоянных источников финансирования. Значительная часть тиража распространяется бесплатно в просветительских целях. Имена жертвователей поминаются за богослужением в храме в честь св. Иоанна Рыльского г. Минска.

Даже просто подписываясь на газету, вы вносите посильную лепту в дело духовного просвещения общества. Мы нуждаемся в вашей поддержке!

Наш подписной индекс 63337

Православный календарь

- 18.05** Иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша»
- 19.05** Прав. Иова Многострадального
- 20.05** Жировичской иконы Божией Матери
- 21.05** Неделя 6-я по Пасхе, о слепом.
Ап. Иоанна Богослова
- 22.05** Свт. Николая Чудотворца
- 23.05** Ап. Симона Зилота
- 24.05** Равноап. Мефодия и Кирилла, учителей
Словенских
- 25.05** **Вознесение Господне**
Щмч. Ермагена, патр. Московского и всея
Руси, чудотворца
- 28.05** Неделя 7-я по Пасхе.
Свв. Отцев Первого Вселенского Собора
- 31.05** Свв. Отцев семи Вселенских Соборов
- 1.06** Блгв. кн. Димитрия Донского
- 3.06** Троицкая Родительская суббота.
Равноап. Константина и Елены.
Владимирской иконы Божией Матери
- 4.06** **День Святой Троицы. Пятидесятница**
- 5.06** **День Святого Духа.**
Прп. Евфросинии Полоцкой
- 6.06** Св. блаж. Ксении Петербургской
- 7.06** Третье обретение главы Иоанна Предтечи
- 9.06** Прав. Иоанна Русского
- 11.06** Неделя 1-я по Пятидесятнице. Всех святых.
Заговение на Петров пост

Книги - детям

Замечательная акция была проведена в дни празднования Пасхи студенческим Клубом «Семья» факультета социально-педагогических технологий БГПУ им. М. Танка и Минским городским отделением Союза писателей Беларуси. В дар воспитанникам социального приюта Фрунзенского района г. Минска была собрана и передана целая библиотека книг столичных авторов.

Первое знакомство по инициативе Аллы Русецкой, доцента кафедры социальной педагогики, руководителя Клуба «Семья», состоялось двумя месяцами раньше. Студенты и педагоги подготовили для детей интересную познавательную программу, участником которой была и писатель Елена Михаленко. Было очевидно, что дети рады общению, рады чтению хороших стихов и сказок. Но в библиотеке приюта книг оказалось не так уж и много.

Стоит напомнить: социальный приют — это место временного пребывания детей со сложной семейной историей. У этих детей есть родители, но по разным причинам они не справляются со своими обязанностями. За то время, пока ребенок в приюте, они должны исправить ситуацию, и тогда семья воссоединится. Иначе — увы — лишение родительских прав и детский дом. Так что дети в приюте находятся в напряженном ожидании решения своей судьбы.

Писатели с радостью откликнулись на предложение собрать книги для детей. Заботы по сбору взял на себя руководитель городской писательской организации Михась Поздняков. И вот — новая встреча. Детей ждали не только увлекательные чтения, но и выступление актера Евгения Пименова, веселые игры и сладкий стол, подготовленные будущими социальными педагогами. На встречу были приглашены и родители.

Связь времен

9 мая в деревню Забродье Вилейского района съехались сотни людей. Здесь в этот день уже более 30 лет проходит акция «Две войны – память одна».

Чем же примечательно это место — ведь и Первая, и Вторая мировые войны прокатились по всей белорусской земле, оставляя страшные разрушения и унося огромные жертвы? Именно здесь, в Забродье, белорусский художник и краевед, лауреат

Тихона г. Вилейки отец Вячеслав Пешко. (Что примечательно — Патриарх всея Руси Тихон в годы I Мировой был архиепископом Виленским и Литовским — до страшного 1917-го). Люди разных поколений и положений молились со свечами в руках об упокоении всех, известных и неизвестных, воинов, жизнь за Отечество

положивших. Затем крестным ходом собравшиеся прошли к Борисоглебской часовне, и здесь уже была молитва о мире и здравии. Ну, а затем — праздник. Который люди проводили по-разному: знакомились с экспозицией музея, любовались природой, смотрели концерт, угощались кашей из полевой кухни, просто общались. К собравшимся явно благоволила неласковая этой весной погода — светило солнце. Грусть о пережитом в военное лихолетье соседствовала с радостью о том, что память здесь жива. В Забродье уже не осталось ветеранов. Но память о них сохраняют дети и внуки. И правнуки, рисуящие Победу мелом на специально принесенных школьных досках и с азартом катающиеся на военном грузовичке.

Елена Михаленко

премии «За духовное возрождение» Борис Цитович с супругой Валентиной создал мемориальный комплекс «Крокі» памяти воинов I Мировой: восстановил братское кладбище, построил Борисоглебскую часовню-музей, установил памятные кресты на местах кровопролитных боев на Вилейщине. В музее собраны уникальные экспонаты. Музей развивается: не так давно появились вагоны — копии тех, что ездили по железным дорогам 100 лет назад, — и они тоже становятся местом экспозиции. Ну, а также есть и совершенно мирная часть Забродья — музей старой автотехники и быта.

Празднование в Забродье проходило по-особому: торжественно, но камерно, без фанфар и дежурных слов. Началось оно панихидой на мемориальном кладбище, которую служил Настоятель храма в честь свт

Советуем прочитать!

Александр Горшков. Шарка Кракорова-Паюркова. Репортер. — г. Черкассы. — Психологическая остросюжетная повесть об отношениях русского журналиста, уроженца Чечни, вынужденного покинуть Родину, и чешской медсестры, преодолевающей стереотипное постсоциалистическое негативное отношение к русским. Авторы поднимают непростые темы национальных войн, беженства, прощения и примирения, прихода человека к Богу.

Морковкино счастье. — Издательство Белорусского Экзархата. — В новую книгу серии «Солнечный зайчик» вошли две сказки разных авторов, адресованные детям младшего школьного возраста. Оба автора — Елена Арсенина и Дмитрий Бобылев, — лауреаты литературного конкурса «Доброе слово» в номинации «Сказки».

Газета создана в 1999 году по благословию Его Высокопреосвященства Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси.

Газета зарегистрирована в Министерстве информации Республики Беларусь 2 июля 2009 г., рег. N 544

Допущено к изданию Издательским советом БПЦ. Решение № 187 от 13.11.2012

Учредитель — Борисовская епархия Белорусской Православной Церкви

Газета издается при поддержке Синодального отдела религиозного образования и катехизации Белорусского Экзархата

Главный редактор — Михаленко Елена Иосифовна

Редакционная коллегия: иерей Алексей Хотеев, иерей Григорий Барашко, Ахметшин А.И., Дашкевич Т.Н., Турлюк В.С., Фомина А.Д.

Компьютерная верстка — Ольга Титко-Михаленко

Адрес редакции:

г. Минск, 220030
ул. Кирилла и Мефодия, 5,
тел.: 8 017 282 92 31.

Для писем:

Минск-96, а/я 20
e-mail: gaz-vosk@yandex.ru

Банковские реквизиты:

УРГ «Воскресение»
УНП 101559036
Р/счет 3015104142018
Региональная Дирекция
№ 700 ОАО «БПС-Банк» код 369.
Адрес банка: г. Минск,
пр. Машерова, 80

Газета выходит 1 раз в месяц на русском языке.

Отпечатана в ОДО «Знамение». ЛП 02330/85 от 23.01.2014 г. Минск, ул. Корженевского, 14

Подписано в печать 15 мая 2017 г.
Тираж 2000 экз.
Заказ № 252

Редакция оставляет за собой право публиковать материалы в порядке обсуждения, не разделяя точки зрения автора. Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Воскресение» обязательна.